

| *Клиффу*

Чужая душа — потемки.

Русская пословица

От автора

Данный проект был щедро поддержан двумя многолетними грантами Исследовательского совета по социальным и гуманитарным наукам Канады (Social Science and Humanities Research Council of Canada, SSHRC). Годичный творческий отпуск, профинансированный Университетом Торонто, позволил мне написать основную часть рукописи. Я благодарна также Славянской библиотеке Хельсинкского университета, где провела плодотворный месяц, исследуя журналы 1840-х годов.

Часть главы 4 этой книги ранее публиковалась в качестве самостоятельной статьи под заглавием «Антифилософская философия Толстого в “Анне Карениной”» («Tolstoy’s Antiphilosophical Philosophy in “Anna Karenina”») в книге «Подходы к преподаванию “Анны Карениной” Толстого» («Approaches to Teaching Tolstoy’s “Anna Karenina”») под редакцией Лизы Кнапп и Эми Манделкер. Другая, связанная с первой частью той же главы была опубликована на русском языке: «Жанр Платоновых диалогов и творчество Толстого» (Русская литература. 2002. № 1), а третья часть — «Влияние И. С. Тургенева и рассказ Л. Н. Толстого “Утро помещика”» — была издана по-русски в сборнике «Лев Толстой и мировая литература: Материалы IV Международной научной конференции, 22–25 августа 2005» (Ясная Поляна, 2007).

Как свою преподавательскую, так и научную деятельность я рассматриваю в качестве совместного с другими исследовате-

лями и преподавателями проекта, чтобы усовершенствовать наше понимание творчества русских классиков и донести его смысл до современного читателя. Обширная библиография свидетельствует, в какой значительной степени я опиралась на работы моих предшественников; кроме того, долгие годы я приобретала знания в беседах с коллегами на многочисленных конференциях, где имела возможность представить собственные научные изыскания. Но подлинным вдохновением для моей работы стало преподавание. Я обязана своим студентам, которые стимулировали мои идеи, заставляли меня развивать и уточнять их, отвечая на замечания и вопросы. Книга писалась долго, и я очень благодарна поддерживавшим меня коллегам и друзьям, что и позволило завершить работу, — это Андрей Донсков, Лидия Дмитриевна Громова-Опульская в ее поздние годы, Кристина Крамер и Робин Фойер Миллер. Мои коллеги из Торонто Кеннет Лэнц, Ральф Линдхейм и Сара Дж. Янг прочитали и прокомментировали рукопись; на более позднем этапе Кэрил Эмерсон отрецензировала ее для издательства Стэнфордского университета и дала мне ценные советы.

Я благодарна также добрым советам и острым глазам редактора рукописи Томаса Финнегана и выпускающего редактора Марьяны Райковой. Ассистент исследования Аркадий Ключанский активно участвовал в процессе редактирования, а Эдит Клайн помогла мне в технических вопросах. Как всегда, мой муж Клиффорд Орвин был моим самым строгим критиком и самой большой поддержкой. Я посвящаю книгу ему.

Для меня было удовольствием и честью при подготовке русского издания снова работать с Анной Гродецкой. Ее перевод сделал книгу лучше, а наши беседы как при согласии, так и при несогласии были познавательными.

Все даты в цитируемых текстах русских авторов приводятся по старому стилю; в тех случаях, когда в них имеется двойная датировка, она воспроизводится.

Все отсылки при цитатах из произведений Тургенева, Достоевского и Толстого даются в примечаниях по соответствующим академическим полным собраниям сочинений и писем — сокращенно, с указанием автора, тома и страницы; для ПССиП Тургенева — с указанием серии (*Соч.*; *Письма*), тома и страницы.

Тургенев — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978–2019 (изд. продолжается);

Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990;

Толстой — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 90 т. (Юбилейное). М.; Л.: Худож. лит., 1928–1958.

Предисловие

Итак, я требую фактов. Учите этих мальчиков и девочек только фактам. В жизни требуются одни факты. Не насаждайте ничего иного и все иное вырывайте с корнем. Ум мыслящего животного можно образовать только при помощи фактов, ничто иное не приносит ему пользы¹.

Несколько лет назад я обнаружила в предисловии к одной из книг Оливера Сакса, что своим уникальным подходом к науке о мозге он был обязан работам русского нейропсихолога Александра Романовича Лурии (1902–1977)². Следуя примеру Лурии, Сакс рассматривал аномальную ошибку восприятия, когда пациент в его кабинете принимал свою жену за шляпу, в качестве дисфункции мозга, способной помочь понять, как в реальности воспринимает мир этот человек. При тоталитарном коммунистическом режиме, когда ценность человеческой индивидуальности равнялась нулю, Лурия работал с пациентами с неврологическими расстройствами, обсуждая с ними их травмы и воспринимая их пояснения всерьез. (В одном случае, сведения о котором он в итоге опубликовал, он в течение двух десятилетий работал с неким Л. Засецким, получившим пулевое ранение в голову во

-
- ¹ Мистер Грэдграинд излагает факты так, как их видит «тяжелый человек», в начальном фрагменте романа Диккенса «Тяжелые времена» (1854). Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. Т. 19. М.: ГИХЛ, 1960. С. 7
- ² См. предисловие А. Лурии к книге О. Сакса «Человек, который принял жену за шляпу» (The Man Who Mistook His Wife for a Hat. New York: Simon and Schuster, 1985. P. 3–7; впервые издана в 1970 году). Другую свою книгу — «Нога как точка опоры» (A Leg to Stand On. New York: Harper and Row, 1984) — Сакс посвятил Лурии.

время Второй мировой войны, которое серьезно травмировало его головной мозг; при этом сам Засецкий был готов описывать и изучать последствия травмы³.) В юности, в годы учебы в Казанском университете, Лурия восставал против описательной психологии XIX века, находя ее недостаточно научной; с настороженностью он относился и к редуccionистским идеям таких догматически мысливших психофизиологов, как В. М. Бехтерев и И. П. Павлов, которые «не допускали субъективности в психологии — не допускали в психологии *психеи* — и настаивали на объективистском рефлексологическом подходе»⁴. Открытия Фрейда и теории психоанализа помогли Лурии найти выход из этого кризиса, поскольку Фрейд объединил биологический подход с «узаконением субъективного во всем его богатстве, как подлинный объект науки»⁵. Первая книга Лурии «Основы практической психологии», написанная в 1922 году в Казани и оставшаяся неопубликованной, была посвящена психоанализу; другой своей книгой — «Природа человеческих конфликтов» (1928–1929) — он возмутил Павлова, так как, по словам последнего, «описывал поведение в целом», вместо того чтобы редуцировать его до «простейших составляющих».

Со своими «антипавловскими» и «антисоветскими» методами, Лурия в течение следующих двух десятилетий смог издать очень немного. Тем не менее свой расширенный подход он применил в клинической практике и научных исследованиях, результаты которых изменили его трактовку связанных с мозгом заболеваний, и начал публиковать эти результаты в относительно более

³ См. Luria A. R. *The Man with a Shattered World: The History of a Brain Wound* / Transl. by Lynn Solotaroff. New York: Basic Books, 1972. Ср. Лурия А. Р. Потерянный и возвращенный мир: История одного ранения. М.: Алгоритм, 2017. В другой книге — «Ум мнемониста» (Luria A. R. *The Mind of a Mnemonist* / transl. by Lynn Solotaroff. New York: Basic Books, 1968) — Лурия рассказывает о продолжавшемся более 30 лет исследовании человека, чья память «не имела отчетливых границ» (Р. 11).

⁴ См. Sacks O. Luria and «Romantic Science» // *Contemporary Neuropsychology and the Legacy of Luria* / Ed. by Elkhonon Goldberg. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1990. P. 187.

⁵ Ibid. P. 188.

свободной атмосфере после Второй мировой войны⁶. Собственный подход он назвал «романтической наукой», которую Сакс, поддержанный Лурией в личной переписке 1973–1977 годов, посчитал ценным дополнением для западной нейропсихологии⁷.

Сам Фрейд испытал влияние русской литературы XIX века, и особенно произведений Достоевского, о котором написал известную статью, до сих пор вызывающую споры. Лурия, конечно, знал об этом влиянии. В автобиографии, где он рассказывает о своем юношеском увлечении Фрейдом и о психоаналитическом кружке, созданном им в Казани, он упоминает «интересный» факт: внучка Достоевского была его пациенткой в психоаналитической клинике при Казанском университете, и он «заполнял целые тетради ее “свободными ассоциациями”», чтобы позднее использовать эти материалы «для обнаружения “конкретной реальности потока идей”»⁸. Лурия рассказывает также, насколько сильное впечатление на него произвели в юности книги Уильяма Джеймса, особенно «Многообразие религиозного опыта» (впервые опубликована в 1902 году)⁹. Джеймс, отец которого был сведенборгианцем, вырос в среде трансценденталистов Новой Англии и являл собой более раннюю версию ученого-романтика, пытавшегося сохранить в психологии «психею». В 1896 году Джеймс писал другу о своем восторге от «Войны и мира» и «Анны Карениной»:

В течение прошлого месяца я прочитал только два великих романа Толстого, за чтение которых, странно сказать, я никогда прежде не брался. Мне не нравятся его фатализм и полупессимизм, но безошибочной достоверностью в понимании природы человека и абсолютной простотой метода он превращает в детей всех прочих авторов романов и пьес¹⁰.

⁶ Ibid. P. 182.

⁷ Ibid.

⁸ См. Лурия А. Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография / Ред. Е. Д. Хомская. М.: МГУ, 1982. С. 11.

⁹ Там же. С. 12–13.

¹⁰ Письмо Уильяма Джеймса к Шарлю Ренувье от 4 августа 1896 года; цит. по: P. R. Barton. The Thought and Character of William James: In 2 vols. Vol. 1. Boston: Little, Brown, 1935. P. 709.

Достоинством Толстого Джеймс считал его способность «свидетельствовать о ценности жизни, открывающейся свободной, ничем не ограниченной симпатии»¹¹. Он имел в виду, что написанное Толстым укрепляет доверие личности к основополагающим представлениям о себе. Толстой и Джеймс — один в искусстве, другой в науке — защищали человеческую субъективность в противостоянии тем научным методам, которые ее значения не признавали. Для Лурии, возможно, не остался незамеченным интерес Джеймса к Толстому. В любом случае его тяготение к Джеймсу говорит о возможной связи между ранними наставниками Лурии в романтической науке и русской классической психологической прозой¹².

Меня чрезвычайно поразила в предисловиях и других текстах Сакса очевидность влияния, пусть косвенного, русской литературы на западную науку, особенно потому, что его случай напоминал мой собственный. Хотя я, американская студентка в штате Мэн, в то время и не осознавала этого, русская литература привлекала меня отчасти сходством с трансцендентализмом Новой Англии, который находит путь доступа к священному во внутренней жизни каждого человека. Лурия не был трансценденталистом¹³, как не были ими Фрейд и Джеймс, но все трое связаны с трансцендентализмом через свою романтическую науку — этот термин Лурия заимствовал у немецкого физиолога Макса Ферворна¹⁴. Первые ученые-романтики испытали влияние немецких предромантиков, таких, как Гердер, Новалис и Гёте, и через них были связаны с попытками немецкой натурфилософии защитить субъективность, личностность от идей материализма¹⁵. Американский трансцендентализм, имевший непосред-

¹¹ Ibid. Vol. 2. P. 273 («...testifying to the worth of life as revealed to an emancipated sympathy»).

¹² О восприятии У. Джеймса в России см. William James in Russian Culture / Ed. by J. D. Grossman and R. Rischin. Lanham, MD: Lexington Books, 2003.

¹³ Он подчеркивал это в своей личной переписке с Саксом (см. Sacks O. Luria and «Romantic Science». P. 191).

¹⁴ Ibid. P. 182.

¹⁵ См. Halliwell Martin. Romantic Science and the Experience of Self: Transatlantic Crosscurrents from William James to Oliver Sacks. Studies in European Cultural Transition: Vol. 2. Aldershot, England: Ashgate, 1999. P. 19.

ственное отношение к обстоятельствам развития американского пуританизма, усложнил и до некоторой степени противопоставил себя классическому либерализму американского образца и тем самым значительно обогатил американскую культуру¹⁶. В России, где не было сложившейся традиции либерализма, собственная версия трансцендентализма, возникшая в то же время, что и в Новой Англии, в 1830-х, отстаивала неприкосновенность и святость индивидуальности, как никогда прежде в русской культуре.

Я начинаю литературоведческую книгу с личной точки отсчета как дань предмету исследования — субъективность, личностность и ее утверждение в русском психологическом реализме середины XIX века. Под субъективностью я понимаю явления, которые мистер Грэдграинд (пока не получил заслуженное наказание в романе Диккенса) не воспринял бы как реальные: внутреннюю жизнь и внутренний опыт каждого индивидуума. Кто бы ни был читателем этого предисловия, он, скорее всего, любит русскую классическую психологическую прозу, и мы можем спросить себя, почему это по-прежнему так. Для русских это прежде всего вопрос культурной самоидентификации: чтобы понять себя в современном бытии и заново самоопределиться после падения советского режима, они должны найти новые пути сближения с теми выдающимися писателями, чьи произведения имели огромное политическое и социальное влияние на историю их страны. (Это относится к таким мастерам, как Толстой и Тургенев, которых в Советском Союзе канонизировали, но также и к тем авторам, которыми пренебрегали или замалчивали их.) Читателей не из России, не имеющих этого насущного национального императива, русские прозаики XIX века продолжают привлекать по той причине, что они внесли значительный вклад в современную психологию и ее отображение в искусстве. Сказанное русским критиком Д. С. Мирским в 1920-х до сих пор не утратило значения: «...со-

¹⁶ См., например: Cavell Stanley: 1) *The Senses of Walden*. New York: Viking Press, 1972; 2) *The New Yet Unapproachable America: Lectures After Emerson After Wittgenstein*. Albuquerque, NM: Living Batch Press, 1989.

чувственное отношение к человеку, независимо не только от его классовой принадлежности, но и от его моральной значимости, стало основной чертой русского реализма. Люди не хороши и не плохи; они только более или менее несчастны и заслуживают сочувствия — это можно считать формулой всех русских романистов, от Тургенева до Чехова. Это-то Европа и восприняла как откровение этих писателей человечеству, когда они впервые открылись Западу»¹⁷. В книге, которую вы будете читать, рассматриваются идеи, лежащие в основе этого откровения, и формы их художественного воплощения в прозе авторов русской психологической школы. Взятые отдельно от произведений литературы, которые ими вдохновлялись, эти идеи кажутся сегодня столь же актуальными, как и в середине XIX века.

Не пытаюсь представить анализ произведений многих писателей для демонстрации этих идей, я в основном сосредотачиваю внимание на трех величайших прозаиках своего времени: И. С. Тургеневе, Ф. М. Достоевском и Л. Н. Толстом¹⁸. Я прослеживаю «бумажный» след их контактов, который дает возможность проанализировать, как каждый из них воспринимал двух других и какие достижения двух других использовал в своем творчестве. Их коммуникации иногда происходят напрямую, однако, как правило, мы имеем лишь косвенные свидетельства — иногда в виде комментариев, скрытых внутри художественных текстов, и чаще всего, хотя и не всегда, в ранних произведениях, в которых только формировались индивидуальные авторские голоса. Всех троих связывают занимавшие их проблемы человеческой психики, но не конкретные решения этих проблем, которые часто расходились. Триангуляция — своего рода перекрестный анализ — позволяет получить если не полную, то достаточ-

¹⁷ Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. С. 273.

¹⁸ В главе 4 я отступаю от диалога трех авторов, чтобы рассмотреть диалог Достоевского с романтиком В. Ф. Одоевским; в главе 8 я обращаюсь к творчеству Ч. Диккенса.

но сложную картину формационного этапа русской культурной истории. Она позволяет также по-новому прочесть малоизвестные произведения всех трех авторов и по-новому осмыслить их шедевры.

При таком обширном предмете исследования моя задача состояла также в том, чтобы сказать об этом предмете то существенно важное, что останется авторитетным применительно к конкретным текстам. Меня в большей степени интересуют идеи, но, уделяя должное внимание и идеям, и динамике любого художественного текста, я раскрываю специфику этих идей, используя метод детального анализа текста — метод медленного чтения. Эта книга возникла из серии выпускных семинаров, и я старалась выдержать баланс между обобщением, презентацией общего фона и детальным анализом текста со всеми характерными для каждого метода особенностями. Надеюсь, что читатели (как мои студенты) станут активными участниками предложенных в книге прочтений конкретных текстов, которые послужат проверкой достоверности и убедительности идей. Я не жду при этом, что все мои читатели окажутся экспертами в данной области: идеи, которые я рассматриваю, имеют общий интерес, они должны способствовать осмыслению текстов, они же позволят читателям судить об их пользе для себя. Кроме того, думая о читателях-неспециалистах, я начинаю книгу с главы общего содержания, создающей основу для детального анализа в последующих главах.

Русский реализм обычно принято понимать как реакцию на романтизм, хотя в научной литературе было отмечено и то явление, которое Дональд Фангер назвал романтическим реализмом¹⁹. Фангер не относит к числу симптомов этого романтизма повышенный психологизм русских реалистов, а Л. Я. Гинзбург видит в их интересе к психологии научную и, следовательно, реалистическую основу. Хотя Гинзбург была одним из моих вдохновителей в работе над этой книгой и я согласна с ней в том,

¹⁹ См. Fanger D. *Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.

что русские реалисты к вопросам человеческой психики подошли аналитически, только научностью не объяснить их неизменного признания ценности личностного начала, что обычно рассматривают в качестве романтического признака. Это связано с немецкими философскими корнями новой русской культуры, развивавшейся под влиянием Гегеля и его многочисленных последователей. Русские писатели — даже те, кто отрицал гегелевский рационализм, отдавая предпочтение «позитивной реальности» дорациональных ощущений Шеллинга, — свои идеи структурно оформляли в соответствии с гегелевской диалектикой тезиса, антитезиса и синтеза²⁰. Это было верно и для представителей психологического реализма, строивших свои произведения как конфликт противоположностей — преимущественно на оппозиции внутреннего (субъективного) и внешнего (объективного) миров. Взаимодействие двух этих миров, а не романтическое предпочтение первого второму было центральной темой реалистической школы в России, особенно потому, что ее величайшие представители не рассматривали субъективность как заблуждение. Они считали ее «действительной»; реальность субъективности — базовый принцип всех великих творений русского психологического реализма.

Почему это так? Как объясняет Карл Лёвит, русские мыслители, например Иван Киреевский, не ограниченные, подобно мыслителям Запада, многовековой зависимостью от догматической философии, выдвигали идею «полного и цельного отношения духовной личности к действительности» и в этом противостояли разрыву в гегелевской мысли между аналитическим разумом и «действительным» чувственно-эмоциональным материалом, который, очевидно, является основой для работы разума и тем самым его легитимизирует: «...мышление, которое вместо того,

²⁰ Размышляя, например, в 1870 году в статье «Литературная деятельность А. И. Герцена» о значении Гегеля в России, Н. Н. Страхов отметил, что из всех его идей наибольшее значение имела диалектика (Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. 3-е изд. СПб., 1897. Кн. 2. Репринт: Hague, Paris: Mouton, 1969. С. 58–59). См. также Чижевский Д. С. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. С. 240–250.

чтобы двигаться дальше к себе самому, прерывается созерцанием, ощущением и страстью, способно также и теоретически постичь то, что является “действительностью”». На определенном этапе развития философской мысли XIX века, по мнению Лёвита, «славяне» осознали и начали артикулировать эту динамику рационального и эмоционального лучше, чем кто-либо другой²¹. Дорациональный материал ощущений и эмоций, который имеет в виду Лёвит, является субстанцией субъективности; это ускользающая цель, которую разум никогда не может настичь, но никогда не перестает преследовать, — она становится неотъемлемой реальностью русского реализма.

В главе 1 я исследую, как и почему русские писатели прежде всего обратились к преследованию. Прежде чем приступить к анализу собственной психологической «действительности», им необходимо было выйти из сферы спонтанности, внутри которой эта действительность, судя по всему, и существует. В книге я придерживаюсь мнения, что возникшему осознанию «я» и его следствиям русская психологическая проза обязана как своими формальными особенностями, так и одной из принципиальных тем. Я ограничиваюсь лишь одним объяснением этого сложного процесса, а именно его иностранными источниками. Для большинства европейцев русская литература с ее необычной точкой зрения явилась в середине XIX века, казалось бы, из ниоткуда. На самом деле почва для ее эффектного выхода на мировую сцену готовилась более века. Французская и немецкая мысль интересовала русских с начала XVIII века, большое значение начиная с 1760-х и до 1820-х имело масонство. В философских центрах Германии русские стали впервые появляться в относительно большом количестве в 1830-х, но уже через поколение в развитии литературы Россия опередила Европу. В этой главе прослеживается, как русская проза обратилась к изображению следствий воздействия на личность иностранной культуры.

²¹ Лёвит Карл. От Гегеля к Ницше: Революционный перелом в мышлении XIX века. Маркс и Кьеркегор / Пер. с нем. К. Лощевского; ред. М. Ермаковой и Г. Шапошниковой. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 273–274.

В главах 2, 3 и 4 речь идет о том, как русские авторы создавали повествовательные стратегии для презентации субъективности, не преуменьшая при этом ее значения. Я начинаю с Тургенева, который чаще всего формулирует те проблемы, решение которых предлагают двое других. Тургенев берет субъективность под защиту, отказываясь не только анализировать под определенным углом зрения поступки своих персонажей, но и открыто исследовать их внутреннюю жизнь, — я рассматриваю причины подобного умолчания и его следствия для эстетики писателя. И напротив, Достоевский и Толстой, что часто смущало и тревожило Тургенева, погружались в темные глубины этого предмета. Тем не менее вопреки тревогам Тургенева оба они оказались способны как признать значение субъективности, так и дистанцироваться от нее — даже в тех случаях, когда резко и открыто вторгаются в действие. Достоевский, в частности, не склонен к той степени вмешательства, какую предполагают психологические детали в его художественных текстах, однако автор продуманно действует за кулисами, направляя читателя к определенным выводам, недоступным ни одному из его персонажей. О том, как он это делает, речь идет в главе 3. Если Достоевский как автор предпочитает работать за кулисами, то Толстой свое открытое присутствие демонстрирует таким способом, который тоже может ввести в заблуждение. Вопреки первым впечатлениям и даже вопреки собственной риторике Толстой также ограничивал в своей прозе роль и власть авторского голоса. В главе 4 я рассматриваю развитие его повествовательной техники в целях решения этой задачи, сначала под влиянием Платона и его диалогов, а затем Тургенева, начиная в последнем случае с появления в 1852 году «Записок охотника». Я отстаиваю точку зрения, что среди прочих вызовов, предъявленных Толстому первой книгой Тургенева, был смелый реализм, защищавший сложность личного начала в человеке, что Толстой к тому времени уже осознал в теории, хотя еще не мог реализовать на практике.

Личность в понимании русской философской мысли не равна индивидуальности — это предмет исследования в главах 5 и 6. Качество, совершенно не свойственное русским, как считает

Н. А. Бердяев, это буржуазность²². Он имеет в виду, что русские не способны быть ни рациональными, ни самодостаточными. Идею индивидуализма русские заимствовали на Западе, но ни один из них не был способен воспринять картезианскую модель души, согласно которой она одновременно и самодостаточна, и является источником всех смыслов и целей. Никто в России не может быть индивидуалистом, поэтому здесь и не возникло, несмотря на популярность шедевра Даниэля Дефо, сравнимой с «Робинзоном Крузо» фантазии о полной личностной независимости. Признавая существование в собственной культуре сильной и даже анархистской воли, авторы русской психологической школы тем не менее с настороженностью относились к тому типу индивидуализма, который часто ценится романтизмом, и, хотя все они приняли его в той или иной форме, раскрытию его темных сторон они уделяли больше внимания, чем писатели, принадлежавшие к другим культурным традициям. Они стремились, кроме того, к преодолению разными способами его ограничений. Даже такой пылкий индивидуалист, как А. И. Герцен, предпочитал общинную жизнь жизни, основанной на договоренностях между индивидуумами²³. Мартин Малиа утверждает, что Герцен разделял идеи раннего социализма потому, что «акцент на “коллективном” был простым выражением требования о праве *всех* людей стать совершенными человеческими существами»²⁴, но я буду придерживаться мнения, что русский индивидуализм по самой своей природе нуждается в поддержке извне, вследствие чего даже Герцен стал сторонником общинных идей. Достоевский выступал сторонником как идеи православия, так и идеи русского национализма в качестве противоядия тем явлениям, которые сделали больной современную русскую душу.

²² См. Бердяев Н. А.: 1) Русская идея. Paris: YMCA-PRESS, 1971. С. 7, 54; 2) Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. С. 19.

²³ О рыцарском индивидуализме Герцена см. Malia Martin. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism: 1812–1855. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961.

²⁴ Ibid. P. 112–113.

Толстой в конечном счете выступил с призывом к организации жизни на общих кантианских принципах, утверждавших ценность индивидуумов, но не их привилегированность. Русское «я» в понимании этих писателей по своей природе социально, а не индивидуалистично, и обоснование такой позиции дает ценную поправку к современным установкам.

Индивидуальное «я», каким оно явилось в 1840-х в произведениях Тургенева и Достоевского, не было похоже на обезьяноподобного человека из фильма Стэнли Кубрика «2001 год: космическая одиссея» (1968), который, в первый раз встав на ноги, триумфально бросает кость в небо, демонстрируя свою новообретенную власть. Индивидуальность, представшая в образе Макара Девушкина в «Бедных людях» Достоевского (1846), переживает свое одиночество и несовершенство. В отличие от гоголевского Акакия Акакиевича («Шинель», 1842), чьим наследником Макар Девушкин является, он в большей степени озабочен сознанием собственного достоинства, чем материальными потребностями, и в отличие от Акакия Акакиевича стыдится своего низкого социального положения и даже своей неспособности выразить себя. (Он читает «Шинель» и с негодованием принимает ее содержание на свой счет.) Надеясь таким образом Девушкина самосознанием, Достоевский делает его психологически более сложным и более близким читателю и повествователю, нежели другие персонажи русской школы сентиментального натурализма 1840-х, лучшим порождением которой являются «Бедные люди».

Макар Девушкин в большей степени обладает чувством собственного достоинства, чем Башмачкин, но он почти так же жалок — отсюда его причиняющая боль самоидентификация с гоголевским персонажем. Спустя два года после появления повести Достоевского и, вероятно, под ее влиянием Тургенев начал писать «Дневник лишнего человека» (издан в 1850 году). «Лишний человек» — термин, созданный Тургеневым в качестве определения для сложившегося типа русского дворянина XIX века, утратившего связь в равной степени и с традицией, и с природой, — остается близким и сегодняшнему читателю. Чулкатурин, герой «Дневника лишнего человека», представил современ-

ного человека таким, каким в русской огранке он явился впервые. Как у подростка, освобождающегося от детских зависимостей, у него сильная, однако негативная самоидентификация: себя он определяет через то, чем не является и чего не имеет. В отличие от подростка, однако, у этой русской индивидуальности, возникшей во все еще крайне несовременной среде, нет ни своей возрастной группы, ни социальных институтов, способных поддержать ее переход к взрослой жизни. Он одинок, но хочет общения; он лишен чувства собственного достоинства, но отчаянно жаждет его; у него нет ни семьи, ни друзей, и в этой ситуации он вынужден предпочесть излагать свою историю в дневнике, а не в письмах, и мы не представляем, кто, на его взгляд, мог бы быть его читателем. У него нет потребности в утешении религией; зная о своей обреченности на смерть и действительно умирая от чахотки и оставляя записи в дневнике, лишний человек живет без Бога и сознает свою чуждость природе, которая поддерживает только молодых и здоровых.

Фамилия Чулкатурин, имеющая отношение к слову «чулок», связывает его с гоголевским жалким чиновником Акакием Акакиевичем, чья фамилия Башмачкин происходит от слова «башмак». Не являясь чиновником низшего разряда (как Башмачкин и Девушкин), Чулкатурин — простой служащий невысокого ранга и вызывающий жалость и сочувствие аутсайдер. Хотя его социальное положение, как всегда у Тургенева, имеет значение, он становится неудачником не по этой причине, а из-за своего характера. Он рассказывает «повесть» о том, как уступил девушку сопернику, принадлежавшему к тому же социальному классу, что и он, однако в социальном отношении более ловкому. В то время как Чулкатурин сначала находится в замешательстве, а потом глупо не сдерживает раздражения в отношениях с князем, который ухаживает за Лизой, а позднее бросит ее, Бизьмёнков, находившийся в начале повести в том же положении, что и Чулкатурин, держится скромно, правильно ведет свою роль и в конце утешает разочарованную Лизу. Чулкатурин, в противоположность ему, попадает во все западни, которые избыточная рефлексия расставляет для любого продолжительного волевого усилия.

В этом персонаже, как и в родственных ему в прозе Тургенева, «решимости природный цвет / хиреет под налетом мысли бледным»²⁵, рефлексия лишает его мужественности и делает трусом (ср.: «Так трусами нас делает раздумье...»²⁶). Тургенев видел предшественника своих «лишних людей» в Гамлете; один из них, появляющийся в «Записках охотника», назван Гамлетом в заглавии рассказа; Тургеневу также принадлежит и имевшая значительное влияние статья «Гамлет и Дон Кихот» (1860). Но он и его современники приписали психологическую болезнь избыточного осознания «я» тому, что они назвали «рефлексией». В 5-й главе я рассматриваю в качестве философской основы романтического томления «желание цельности» Декарта. Рефлексия является еще одним следствием картезианской мысли, с ней связанным, характеризующим психику современного человека и с худшей, и, как мы увидим, с лучшей стороны. Вне рефлексии невозможны ни романтическое томление, ни любого рода самоосознание, вне рефлексии человек оказался бы неспособен к осмыслению собственных мыслей и действий. Как я демонстрирую в 7-й главе, рефлексия становится важнейшим инструментом в создании психологической прозы.

В 8-й главе книги исследуется тема детства и внимание к ней русского реализма, что связано с защитой как нравственности, так и субъективности. Несмотря на то что акцент на детстве едва ли поразит оригинальностью сегодняшних читателей, для России XIX века это было явлением практически беспрецедентным. И Толстой, и Достоевский своим вниманием к теме детства были обязаны Диккенсу и его портретам детей, и я специально останавливаюсь на этом вопросе; но у каждого из них были и свои причины для обращения к этой теме. Оба воспринимали детство как уникальный жизненный этап, когда личность еще не подвержена социальным искажениям. Если люди рождаются добродетельными и лишь позднее человеческая природа искажается воспитанием, как считал Жан-Жак Руссо, наиболее

²⁵ «Гамлет». Акт 3. Сцена 1. Пер. М. Лозинского.

²⁶ Там же. Ср. перевод Б. Пастернака: «Так всех нас в трусов превращает мысль / и вянет, как цветок, решимость наша / в бесплодые умственного тулика».

веско заявивший об этом в «Эмиле» (1762), как, впрочем, и в других своих трудах, то мы получаем возможность наблюдать в детях и природное совершенство, и его исчезновение. И именно это авторы молодой страны России были намерены изображать. Создателей русской классической психологической прозы отличает от их наследников в XX веке свойственная всем им вера в стремление людей быть добродетельными даже тогда, когда они таковыми быть не могут. В этом отношении все они были учениками Руссо; даже Достоевский, оказавший влияние на Ницше, не мог бы тем не менее следовать его философии «по ту сторону добра и зла».

Но если авторы русской психологической прозы и не принимали зла, они не отрицали его существования, и никто из них, даже Толстой, не возлагал ответственность за зло только на общество. Зло имеет психологическую природу — и это предмет рассмотрения в 9-й главе, где я сопоставляю трактовку зла в произведениях Толстого и Достоевского. Как у английских и немецких романтиков, зло связано с отчуждающими эффектами осознания «я»²⁷, которые Достоевский исследовал более глубоко, чем кто-либо из его предшественников.

Родители новосозданной русской личности были серьезно озабочены ее будущим. Свобода соблазнительна, но высока цена, которую приходится за нее платить, если иметь в виду сопутствующие ей отчуждение и страх одинокой смерти. Обретение этих истин приходит через страдание, — действительно, первые западные читатели часто жаловались, что русские писатели как будто конкурируют друг с другом, создавая самые мрачные сюжеты и самые несчастливые финалы²⁸. В «Анне Карениной»

²⁷ См., например, в «Ideen zu einer Philosophie der Natur» (1797) Ф. Шеллинга: «Чистая рефлексия поэтому есть духовная болезнь <...> она — зло» («Pure reflection therefore, is a spiritual sickness <...> it is an evil»; цит. по: Abrams M. H. *Natural Supernaturalism: Tradition and Revolution in Romantic Literature*. New York: Norton, 1971. P. 219) — но в дальнейших рассуждениях Шеллинга это зло выступает необходимым этапом в процессе возвращения к единству.

²⁸ См. суждения Уильяма Джеймса об «Анне Карениной», процитированные выше. «Фатализм» и «полупессимизм» Толстого и его «безошибочная достоверность в понимании природы человека», безусловно, связаны между собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru